

ГЛАВА 6

— Сюаньюань Кунь?

— М-м.

— Сюаньюань Кунь?

— М?

Убедившись, что голос доносится именно со спины, Линь И едва не взвыл от досады.

«Ты и впрямь Сюаньюань Кунь?»

— Да, я здесь.

«Искал, не жалея ног, а нашел...»

«К черту всё!» — Линь И готов был выругаться вслух.

Но, увы, на закорках у него сидел сам Главный Герой, так что швырять его оземь не полагалось.

Все планы пошли прахом. Линь И, конечно, чувствовал облегчение и радость от того, что цель достигнута, но ведь только что на глазах у Сюаньюань Куня его заклинания безнадежно вышли из-под контроля.

Если он действительно собирается взять парня в ученики, сочтет ли тот его надежным наставником?

Только сейчас Линь И задумался: прежде он грезил лишь о том, как бы передать герою «золотой палец», но подходит ли он сам, со всеми своими способностями, на роль учителя?

Сюаньюань Кунь, заметив долгое молчание Линь И, подал голос:

— Что-то не так?

Очнувшись от самобичевания, Линь И криво усмехнулся. Благо, сидевший сзади ребенок не мог видеть выражения его лица.

— Ничего. Просто имя хорошее. — Тут он вспомнил, что мальчик до последнего не желал называть себя, и с сомнением спросил: — Это ведь всего лишь имя, почему ты так не хотел его открывать?

—...

Сюаньюань Кунь уткнулся лицом в спину Линь И и затих. Тот уже хотел обернуться, гадая, что случилось, как вдруг понял: грязный, измученный мальчишка уснул, привалившись к нему.

Тем временем Лю Чуньчжи, словно не зная усталости, продолжала шуметь. Выплеснув гнев на толпу и сына, она принялась поносить своего покойного мужа.

Жар негодования в ней не остыл. В какой-то момент она метнулась в соседнюю кузницу, схватила топор и вознамерилась срубить пышные деревья, на которых висели дети.

— Раз не пускают — значит, деревьев не будет! Если не хотите помогать, я, Лю Чуньчжи, справлюсь сама!

Эти деревья в центре городка Фулай были огорожены и окружены заботой; питаемые духовной силой окрестных гор и вод, они росли здесь сотни лет. Даже если в них не зародился дух, они все равно считались священными — рубить такое значило навлечь на себя кару небес.

Зеваки, до того лишь наблюдавшие за драмой, всполошились. Жители городка гурьбой бросились к Лю Чуньчжи, пытаясь удержать её. Началась неразбериха, и о детях на ветвях уже почти никто не вспоминал.

— Вы не знаете, как спасти, так еще и мешаете! — кричала разъяренная женщина, пока её держали за руки. — Неужели эти деревья важнее живых детей?

Кто-то из толпы буркнул в ответ:

— Да что с ними станется? Повисят, помучаются немного — и всё. А дерево срубишь — новое не вырастет!

Лю Чуньчжи, казалось, сейчас лопнет от злости. Она обернулась к сыну:

— Видишь, Гоува-цзы? Ты издевался над другими, теперь другие издеваются над тобой! Никто тебе не поможет — только мать. Но когда спустишься, не жди пощады. Раз не хочешь быть человеком, раз в злодеи подался — получишь свое!

Линь И поначалу думал оставить этих мелких паршивцев, что издевались над другими ради забавы, висеть подольше. С тех пор как он встретил Сюаньюань Куня, прошло всего ничего. Но,

судя по всему, Лю Чуньчжи и сама не собиралась спускаться сыну его выходку.

Линь И незаметно сложил пальцы в рукаве, отзывая девять десятых духовной силы заклинания. Сделав шаг к шумящей толпе, он негромко произнес:

— Это я сделал. Вы слишком шумите.

Наказание уже свершилось, к тому же... Линь И мельком взглянул на спящего Сюаньюань Куня: его Главному Герою нужен был покой.

Толпа затихла и обернулась. Перед ними стоял статный мужчина в чистых бирюзовых одеждах, чье лицо скрывала вуаль доупэна. На спине он нес израненного ребенка в лохмотьях.

Дети на ветках, завидев Линь И, закричали:

— Это он! Это всё он!

Сын Лю Чуньчжи, кашляя от слез, с покрасневшим лицом прохрипел:

— Это он! Пособник демона! — за что тут же получил суровый взгляд матери.

— Молчать!

Горожане, видя, что кто-то открыто признал свою вину, замерли в нерешительности. С одной стороны — опасение, с другой — облегчение: деревья спасены. Незнакомец не выглядел злодеем, а взглянув на раны мальчика у него за спиной, люди смекнули: этот благородный господин просто решил проучить забияк.

Один из смельчаков, решив, что с Линь И можно договориться, подошел ближе:

— Послушайте, господин... дети уже натерпелись и осознали вину. Проявите великодушие, отпустите их. Может, на этом и закончим?

Линь И уже открыл рот, чтобы спросить, с чего это они решили, будто дети всё осознали — вон тот малец до сих пор называет его «пособником демона». Но Лю Чуньчжи, вырвавшись из рук державших её соседей, опередила его:

— Нет! Нельзя это так оставлять!

Жители городка вздохнули: «Ну почему она не может просто помолчать?»

— Госпожа Лю, потише вы. Господин, вы и сами видите, им хватило. Маленькие ведь еще, ну повздорили, ну перегнули палку... Не велика беда.

«Повздорили?»

Линь И лишь холодно усмехнулся.

— Вот как? «Повздорили», значит?

Бессмертная гора Бутянь, Зал Восточной Изгороди

Мелкий дождь сеялся сквозь туман, окутывающий нежные прибрежные цветы. Шорох капель заглушал привычные ароматы трав, которыми обычно был пропитан аптекарский сад Зала Восточной Изгороди.

Большинство растений здесь любили воду, а потому сад был разделен высокими мостами из белого мрамора, выполненными в форме девятилепестковых лотосов.

Каждый пролет — отдельный пруд, в каждом пруду — уникальное растение. Тысячи форм, сотни расцветок.

Благодаря духовному туману сад не казался загроможденным; напротив, беломраморные мосты подчеркивали его упорядоченность и величие.

— Здесь письмо из Павильона Закаленных Звезд. Наверняка у них есть какой-то скрытый умысел, не хочешь взглянуть, дядя?

Говорила это переодетая мальчиком Лэн Вэйсян. Тем, кого она назвала «дядей», был Сяо Бецзюнь — «Предок Сотни Трав» из Зала Восточной Изгороди.

Сяо Бецзюнь лишь слабо улыбнулся:

— Это отец тебя прислал?

«Хозяин сотен трав» Сяо Бецзюнь в лазурном халате выглядел воплощением благородного мужа. Его серебристые волосы напоминали первый снег, а в чертах лица сквозила мягкость, присущая небожителям. В руках он держал зонт из белого бамбука, на котором была мастерски выписана алая рыба кои. Этот зонт казался слишком ярким, почти зловещим на фоне безмятежного Сяо Бецзюня, но именно он придавал его образу искру жизни.

Говорили, что травы Зала Восточной Изгороди любят тепло. На горе Бутянь дождей не бывает, и орошать посадки нужно лишь раз в пять лет.

Однако с того самого дня, как Лэн Бэйси поднялся на гору, дождь над Залом Восточной Изгороди не прекращался.

Это значило лишь одно: великий мастер, живущий здесь, пребывает в дурном расположении духа.

Лэн Вэйсян недовольно надула губы:

— Папа прятал это письмо несколько дней. Он хочет увидеть тебя, но боится. Странно это всё, не пойму я его.

Сяо Бецзюнь положил письмо на стол. Одной рукой он держал зонт, а другой ласково погладил девочку по голове.

— Можешь не передавать ему мои слова. Я и так понимаю, что он хочет сказать.

Лэн Вэйсян принялась ловить ладонью капли дождя. Этот дождь был создан магией Сяо Бецзюня, но ощущался как настоящий. Девочка не впервые видела подобные техники, но всё равно находила их забавными.

— Не понимаю я папу, — простодушно продолжала она. — Люди говорят, глупые, будто мы приперлись на гору Бутянь искать покровителя. Но нашему Мечу Лазурной Пустоты не нужны защитники! Пф-ф, разве их техника меча Закаленных Звезд сравнится с нашей? Папа просто ищет повод встретиться с тобой, а сам не идет. Совсем он запутался.

Сяо Бецзюнь не изменился в лице, лишь тяжело вздохнул. Поверхность его зонта, долго мокнувшая под дождем, вдруг ожила: нарисованный алый карп начал лениво скользить по ткани. Слово приняв решение, мастер повел Лэн Вэйсян в боковой павильон.

Там хранилось несметное количество сокровищ и свитков. В самом центре на постаменте покоился меч в ножнах, украшенных красным лаком и серебряной резьбой. Рукоять венчал кровавый нефрит с белыми прожилками. Это было великолепное, но лишённое излишней вычурности оружие.

Сяо Бецзюнь долго смотрел на меч, прежде чем взять его в руки.

— Вэйсян, отнеси это отцу. И скажи ему: дождь в Зале Восточной Изгороди слишком холодный. Приходить не нужно.

Девочка ничего не поняла, но послушно приняла тяжелый меч.

«Взрослые такие странные», — подумала она, убегая из зала.

Когда она ушла, Сяо Бецзюнь с зонтом в руках вернулся в сад. Он встал посреди мраморного лотоса, глядя на один-единственный пустующий пруд.

— Цзинь-эр, сто лет пролетели как миг. Скажи, правильно ли я поступаю?

Ответом ему был лишь шелест дождя да беззаботные круги, которые нарезал на зонте ярко-красный карп.

Линь И, выслушав оправдания толпы, почувствовал, как внутри закипает раздражение.

— Значит, «повздорили»? Повздорили — это когда ребенка подвешивают над источником, тычут деревянным мечом в открытые раны и радостно вопят при виде крови? Какое трогательное детство, какое веселье.

Голос Линь И так и сочился едким сарказмом. Он поманил к себе «орудие преступления» — окровавленный деревянный меч, брошенный детьми у воды. Подняв его на уровне глаз, он ровно произнес:

— Может, мне тоже с кем-нибудь из вас «повздорить»?

Люди, завидев кровь на мече, попятились в страхе. Но, рассудив, что виноваты не они, а незнакомец вряд ли осмелится творить бесчинства в самом центре городка Фулай, кто-то забормотал:

— Это... послушайте... вы просто не знаете. Этот малец странный. Раны на нем заживают мгновенно, он точно не человек! Вот наши дети и...

— Вы в Фулае каких только рас не видали. И что с того, что заживает быстро?

Линь И с силой воткнул деревянный меч в землю — клинок вошел на две трети, даже не треснув. Некоторые люди всегда найдут удобное оправдание своей злобе.

— Обидел он кого-то? Украл что-то? Ранил хотя бы одного из вас? Нет. Вы издевались над ним лишь потому, что знали — он не ответит.

Толпа безмолвствовала. Дети на дереве, почувствовав перемену в атмосфере, перестали хныкать и затихли.

Особенно сын Лю Чуньчжи: он выглядел в край измотанным, но продолжал сверлить Линь И яростным взглядом, в котором мешались злость и бессилие.

Линь И окинул людей холодным взглядом. Он никогда не любил совать нос в чужие дела и не претендовал на роль святого, но сегодня ему было тошно. Этот взгляд толпы... он слишком напоминал ему кое-что из прошлого.

Обида, гнев, стыд — и ни тени искреннего раскаяния. Никто не посмел признать: «Мы поступили подло».

Воздух в городке, казалось, загустел. Тишину нарушил голос Лю Чуньчжи:

— Вот поэтому нельзя это так оставлять!

Соседи лишь замахали руками: «Да что тебе еще надо, безумная женщина?!»

Линь И чуть приподнял бровь под вуалью. Первое впечатление о Лю Чуньчжи как о крикливой бабе, которой «своя жизнь не дорога», начало меняться.

— Я, Лю Чуньчжи, ничего на свете не боюсь, кроме одного — потерять сына. Но я хочу, чтобы мой сын стал благородным заклинателем, защитником слабых, а не трусливым подонком и задирой!

Люди хотели что-то возразить, но не нашли слов.

— И что ты предлагаешь?

— Я...

Лю Чуньчжи не успела договорить. Душераздирающий крик прорезал тишину, заставив всех вздрогнуть.

— У нас здесь демонический заклинатель! Хватайте его!

Линь И первым делом поискал глазами У Лу и Шэн Мина, но быстро понял, что кричат на него. Человек, бегущий к толпе, казался знакомым... точно, это был тот самый слуга из лавки, что предлагал ему воду из источника.

Слуга орал на ходу, указывая пальцем:

— Это он! В зеленых одеждах! Он не смог выпить воду из нашего духовного источника, ему прямо на месте поплохело! А потом он требовал у меня запретное зелье, пожирающее духовную энергию! Это точно демонический заклинатель!

<http://bllate.org/book/17554/1708929>